

В возрасте пяти лет ко мне снова возвращается способность руководить своим телом. Чувство полного контроля пьянит, кружит голову, это почти похоже на абсолютное счастье. И – самое главное – я больше не чувствую ни малейших признаков его присутствия. Мой собственный разум наконец-то оказался единоличным обладателем моего тела. Я задумываюсь: а может, не было никакого его? Может быть, все дело в том, что тело наконец-то доросло до подчинения моему взрослому разуму? А все, что было раньше – лишь инстинкты и дикая игра моего воображения? В любом случае, в моей груди начинает теплиться что-то, подозрительно похожее на... надежду? Я постараюсь не дать истории повториться.

Я закрываю дверь ванной комнаты на щеколду и подхожу к зеркалу. Придирчиво рассматриваю себя. Не то чтобы я раньше себя не видел, но пятилетние дети, как правило, не особо внимательно вглядываются в свое отражение. К тому же, я смотрел чужими глазами, и даже как будто бы на чужого человека. Теперь же это все наконец-то принадлежит мне, и поэтому я внимателен как никогда. Зеркало отражает пятилетнего мальчишку с жутко растрепанными волосами. Наверное, как раз таким я и был в возрасте пяти лет. Не знаю, мне не с чем сравнивать. Тогда я был слишком мал, чтобы запомнить, а фотографий в возрасте с года до одиннадцати лет у меня не было. Дурсли не любили меня фотографировать. Они вообще не любили обо мне вспоминать. Я отбрасываю в сторону мысли о «прошлой жизни» и возвращаю внимание к своему отражению. Возможно, я чересчур худ и нескладен. Выгляжу даже младше своих лет. Сказались четыре года, проведенные в темном чулане под лестницей, и недостаток прогулок на свежем воздухе. Старая футболка Дадли с непомерно огромным воротом явно не убавляет нелепости моего внешнего вида. Но меня волнует другое. Перевожу взгляд на лоб. На нем нет никакого проклятого шрама, символа моей Избранности, отличительного знака Мальчика-Который-Выжил. «И Темный Лорд отметит его, как равного себе...» Что ж, возможно, теперь, без этой метки, привязавшей меня к красноглазому маньяку даже сильнее, чем привязывают татуировки на предплечьях его слуг, моя жизнь и впрямь может сложиться иначе.

Тут я сталкиваюсь взглядом с собственным отражением и обмираю. Черт! Глаза – зеркало души, не так ли? Тогда у меня глаза человека, который видел бездну. Выжженная пустыня. Раньше, я помню, они горели живым блеском. Теперь в них лишь холод и безразличие. А если смотреть в их темную зелень достаточно долго, то по ним можно прочесть всю мою жизнь. Боль, страдание, печать смерти, горечь утраты, и глубоко – на самой краешке зрачков – жажда мести. В них навсегда застыли лед и жестокость. Это глаза убийцы. А кто же ты, как не убийца? – жестко вопрошает мой внутренний голос. – Что, Поттер, думал, что если начнешь новую жизнь, то это сможет смыть кровь с твоих рук? Грехи не искупить так просто. Да, мои грехи всегда со мной, как и чувство вины. Я смотрю на мир взглядом самоубийцы, которому нечего терять, который оставил позади все преграды, которого ничто не держит уже в этом мире. Таких глаз не бывает у пятилетних детей. Наверное, я переступил эту грань уже давно, в конце концов, сколько страданий может вынести смертный? Вот только Пророчество висело на мне мертвым грузом, не позволяя уйти.

Я приваливаюсь к прохладной стене и медленно сползаю на пол. И в сотый, в тысячный раз задаю себе один и тот же вопрос: зачем? Если мне и вправду каким-то образом была дарована возможность начать новую жизнь, жизнь без войны, боли и смерти, то зачем, зачем мне оставили эти кошмарные воспоминания? Почему мне не дадут побыть обычным мальчишкой, которым я никогда не был? Разве что это – наказание за мои грехи. Память – мой самый страшный судья. От нее не скроешься, она справедлива и беспристрастна. Она всегда готова подsunуть воспоминания о войне, любезно предоставляя меня на растерзание чувству вины и

сожаления.

А, может быть, это шанс все изменить? Не дать истории повториться – это не так просто, как кажется. Потому что она уже повторяется. Волдеморт не пришел в Годрикову лошину, стремясь уничтожить того, о ком говорилось в Пророчестве, но мои родители все равно мертвы. Возможно, это горькая случайность, печальное совпадение, но... Но что, если такие «совпадения» произойдут со всеми, кого я уже потерял однажды? Смогу ли я снова пережить смерти большей части семьи Уизли, Гермионы, Ремуса и остальных? Глупо, я и так знаю, что не смогу. Я не сломаюсь, я сломлен уже давно. Мне просто незачем будет дальше жить. Я больше не нужен для убийства Волдеморта, ничто уже не удержит меня на самой грани. Я и сейчас скорее сдохну сам, чем снова увижу смерть своих близких. Вот только смогу ли я что-то изменить? Родители все-таки умерли. Но тогда я был заперт в том беспомощном теле, я не мог даже пошевелиться самостоятельно. Теперь же... Теперь совсем другое дело. Теперь я буду бороться.

Голова наливается огненной тяжестью, и я с наслаждением опускаю ее под кран с ледяной водой. Какое же это счастье – руководить своим телом. Это можно ощутить в полной мере, лишь прожив поистине адские пять лет без такой возможности.

Дверь содрогается от оглушительных ударов, я подпрыгиваю от неожиданности и обливаюсь холодной водой с головы до ног. Грязно ругаюсь сквозь зубы.

– Эй ты, проклятый мальчишка! – раздается из-за двери звучный голос дяди Вернона. – Ты там что, утонул? Я не собираюсь торчать у этой чертовой двери весь день! Тут тебе не королевский дворец с кучей ванных комнат, так что выметайся оттуда сейчас же!

Я наспех вытираю мокрые волосы полотенцем, от чего их состояние становится еще более печальным. Ага, как же, королевский дворец. Так я и спутаю свой чулан под лестницей с тронным залом. Держи карман шире! Выхожу из ванной и проскальзываю мимо дяди Вернона, стараясь не встречаться с ним глазами. При взгляде на мою мокрую взлохмаченную шевелюру дядя начинает трястись от негодования. Я почти вижу, как в нем борются два противоречивых желания: наорать на ненавистного племянника, или же пойти наконец в ванную комнату, чтобы не опоздать на работу окончательно. Наконец, дядя, судя по всему приходит к выводу, что отчитывать этого идиота-Поттера за все его придури – занятие в высшей степени неблагодарное, и скрывается за дверью в ванную.

Я же возвращаюсь в свой чулан под лестницей. Тут как всегда темно, тесно и много пауков. Впрочем, война научила меня многогранному взгляду на жизнь. Много пауков? Значит, я могу быть уверенным, что поблизости уж точно нет василисков. Не то чтобы василиск мог заползти на Тисовую улицу, но все-таки лучше знать наверняка, ведь так? Глупо, но сейчас я испытываю какую-то иррациональную симпатию к этому месту. Тут я провел очень большую часть своей жизни – стоит отметить, не самую плохую. И уж точно самую спокойную. Сейчас я могу оценить ту жизнь с высоты своего долгого опыта. И выводы напрашиваются весьма и весьма интересные. Раньше, в далеком детстве, я считал, что мир магглов ко мне жесток. Ну разумеется, бедный сиротка, третируемый собственным кузеном, напрасно пытающийся добиться хоть толики любви от тетки, выслушивающий оскорбления от дяди. Я считал свою жизнь ужасной. Только потом я понял, что значит действительно ужасная жизнь. На самом

деле, мир магглов дал мне несколько лет спокойной и относительно безмятежной жизни. Магический мир был ко мне по-настоящему жесток. О, когда мне было одиннадцать, я им восхищался, искренне и глубоко. Я воспринимал его, как спасение от Дурслей, которые в тот момент для меня были прямо-таки сосредоточием мирового зла. А магический мир без зазрения совести сбросил на мои плечи все заботы о своем благополучии. Он воспользовался моей детской доверчивостью. Он отобрал у меня все. Он принес мне столько боли и страданий, сколько не доводилось испытывать ни одному смертному. Я испил свою чашу страданий до дна. Я стал жертвой, брошенной Магическим миром на алтарь войны. Из меня вытянули по капле все хорошее, все светлое, что было в моей душе, оставив лишь изломанную оболочку. Я платил по чужим счетам своей собственной кровью, долго и больно. Я и до сих пор расплачиваюсь. Расплачиваюсь пустотой глаз, расплачиваюсь снами о войне, которой никогда не было. Горечь войны так прочно засела во мне, стала такой большой частью меня, что едва ли мне удастся выпутаться из ее прочных сетей. Магический мир не дал мне ничего взамен.

Внезапная идея пронизывает меня насквозь, заставляя вскочить с узкой кровати и заметаться по тесному чулану. Ну конечно, как такое не пришло мне в голову раньше? Я же могу просто отказаться от Магического мира. И тогда все мои друзья, которые погибли в той далекой прошлой жизни, не умрут. Ведь рядом с ними не будет чертового Мальчика-Который-Выжил, за жизнь которого вечно приходится расплачиваться его близким. А я... Я смогу жить в мире магглов, который так и не удосужился толком узнать. Ну конечно, я презирал мир, который не принял меня со всеми этими моими «странностями». Куда приятнее было сознавать себя частью того мира, где мной восхищались, молились на меня, называли Избранным. Глупец, я был так падок на лезть, что сам шел в их любезно поставленные сети. Но теперь... Теперь все будет по-другому. Я наконец смогу построить свою собственную, обыкновенную жизнь. В конце концов, я так часто мечтал о том, как было бы здорово вести жизнь, неотяжеленную Великой Миссией, шрамом на лбу и красноглазым маньяком, преследующим меня по пятам. И теперь моя мечта начинает осуществляться. Предо мной раскидывается целый мир! Я смогу поступить в университет, найти нормальную работу, друзей, может быть, даже обрести семью. Буду вести нормальную жизнь!

Хм, кто бы мог подумать, что я стану настолько же помешанным на «нормальности», как и мои дорогие родственнички? Эта мысль заставляет меня усмехнуться. В конце концов, теперь я понимаю, что мир магглов не ограничивается моим чуланом под лестницей, и существуют и другие люди, помимо Дурслей, которые, возможно, смогут стать частью моей жизни. Жизни, в которой больше не будет войны, боли и смерти, и – самое главное – в ней не будет этого проклятого лицемерного Магического мира со всеми его прекрасными замками и добрыми всемогущими волшебниками, служащими лишь фасадом, скрывающим его истинное лицо. Моя сила осталась со мной, и мне остается уповать лишь на то, что ее хватит, чтобы обмануть Дамблдора, Министерство и остальных. Я постараюсь скрыть свои способности ото всех. Притворюсь простым магглом, сквибом, если угодно. Я больше не позволю сделать себя послушной игрушкой в чужих руках. И, возможно, когда-нибудь мне удастся убедить и себя самого, что эта треклятая война существовала только в моих кошмарах.

Я настолько погрузился в свои мысли, что потерял счет времени. Хлопок входной двери возвращает меня к реальности. Это дядя Вернон уже вернулся с работы. В коридоре раздается пронзительный голос тети Петунии: она рассказывает мужу последние сплетни. Затем в дверь моего чулана летят привычные глухие удары.

- Поттер, марш обедать! – кричит тетя Петунья.

Я молча выхожу из чулана, не переставая удивляться, почему бы им хоть раз не позвать меня нормально, без стука и криков. По лестнице с грохотом сбегает Дадли. Ему всего пять, а он уже похож на молодого слона. Подбежав ко мне вплотную, кузен заносит кулак для привычного удара, но сталкивается со мной глазами и опускает руку, так и не донеся ее до цели. Правильно, мальчик, со мной лучше не связываться. Рад, что ты это понимаешь. Я окидываю кузена максимально презрительным взглядом, на который только способен, и он слегка съеживается. Я криво усмехаюсь. Наверное, это выглядит довольно-таки жутковато на моем пятилетнем лице, потому что Дадли бледнеет и испуганно охает. Я гордо удаляюсь на кухню, не удостоив Дадли напоследок и взглядом. За обедом кузен сидит непривычно задумчивый и молчаливый. Дядя Вернон и тетя Петунья так ничего и не замечают.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/787315>